

Пожилая дама в шали с лисьим мехом сидела напротив меня в купе поезда и предавалась воспоминаниям о совершенных ею убийствах.

— И еще викарий в Лидсе. — Она чуть заметно улыбалась, постукивая указательным пальцем по нижней губе. — И старая дева из Хартлпула. У нее была трагическая тайна, которая ее и погубила. И конечно, та лондонская актриса, что завела шуры-муры с мужем сестры, как только он вернулся из Крыма. Безнравственная была девица, так что тут я не виновата. А вот прислуга за всё с Коннахтсквер — ее мне было жалко убивать. Работающая девушка, крепкой северной породы. Может, она и не заслужила такого конца.

— О, это одна из моих любимых, — отозвался я. — Я считаю, она сама напросилась. Нечего было читать чужие письма.

— Мы ведь знакомы, да? — спросила пожилая дама. Теперь она слегка подалась вперед и разглядывала меня, пытаясь узнать. От нее резко пахло лавандой и кремом для лица. Рот был липкий и кроваво-красный от помады. — Мы где-то встречались.

— Я работаю на мистера Пинтона, издательство “Уисби-пресс”. Меня зовут Тристан Сэдлер. Мы с вами виделись на литературном обеде пару месяцев назад.

Я протянул руку. Пожилая дама несколько секунд глядела на нее, словно не понимая, чего я хочу, а потом осторожно пожала, не сомкнув пальцы до конца.

— Вы делали доклад о ядах, не оставляющих следов, — добавил я.

— Теперь припоминаю, — быстро закивала она. — Вы принесли целых пять книг подписать. Меня поразила ваш энтузиазм.

Я улыбнулся — мне было лестно, что она меня вспомнила.

— Я большой поклонник вашего творчества, — сказал я, и она милостиво кивнула — движением, видимо отточенным за тридцать с хвостиком лет читательских восторгов. — И мистер Пинтон — тоже. Он несколько раз заговаривал о том, что хорошо бы переманить вас в наше издательство.

— Да, я знаю Пинтона. — Ее передернуло. — Мерзкий человечешко. У него жутко воняет изо рта. Как вы только сносите его общество? Впрочем, я догадываюсь, почему он вас нанял.

Я вопросительно поднял бровь. Собеседница ответила кривой улыбкой.

— Пинтон любит окружать себя красивыми вещами, — объяснила она. — Вы наверняка уже поняли по его картинам и затейливым диванам, которым самое место в Париже, в ателье какого-нибудь знаменитого модельера. Вы чем-то похожи на его предыдущего ассистента — того самого, с которым вышел

скандал. Но боюсь, у вас нет шансов. Я уже тридцать лет работаю с моими нынешними издателями и всем довольна.

С ледяным выражением лица она откинулась назад, на спинку сиденья. Я понял, что опозорился — превратил приятную светскую беседу в попытку заключить сделку. Я пристыженно уставился в окно. Потом взглянул на часы и обнаружил, что поезд уже опаздывает примерно на час. Тут поезд еще и остановился — безо всякого объяснения.

— Вот поэтому я больше не езжу в город, — заявила моя попутчица, пытаясь открыть окно, так как в вагоне стало душно. — С нынешними железными дорогами никогда не знаешь, доберешься ли обратно домой.

— Дайте-ка я вам помогу, — вмешался молодой человек, сидевший рядом с ней. Всю дорогу, от самой станции Ливерпуль-стрит, он игривым шепотом беседовал с девицей, которая сидела рядом со мной. Теперь он встал, наклонился вперед, до испарины на лбу налег на окно и хорошенько толкнул раму. Она рывком поднялась, и в купе с теплым воздухом вошел пар от паровоза.

— Мой Билл с любым механизмом совладеет. — Молодая женщина хихикнула от гордости.

— Хватит, Марджи, — он сел на место, едва заметно улыбаясь.

— Он моторы чинил во время войны, правда, Билл?

— Я сказал — хватит, — повторил он уже холоднее.

Наши взгляды встретились, и мы секунду разглядели друг друга, а потом отвели глаза.

— Это всего лишь окно, дорогая, — фыркнула дама-романистка, выбрав самый подходящий момент.

Поразительно, что всем обитателям нашего купе понадобилось больше часа, чтобы открыто признать существование друг друга. Я вспомнил анекдот про двух англичан, выброшенных на необитаемый остров, — они прожили там пять лет и не обменялись ни единым словом, так как не были друг другу представлены.

Через двадцать минут наш поезд тронулся и возобновил путь, и в конце концов мы прибыли в Норидж — с опозданием на полтора часа. Молодая пара вышла первой, окутанная аурой истерического нетерпения и смущенного хихиканья, — им явно не терпелось добраться до постели. Я помог писательнице вынести из поезда чемодан.

— Вы очень любезны, — заметила она, рассеянно оглядывая перрон. — Мой шофер должен быть где-то здесь, дальше он обо мне позаботится.

— Спасибо за беседу. — На этот раз я не пытался пожать ей руку, а лишь неловко кивнул, будто она — английская королева, а я — верноподданный. — Надеюсь, я вас не оскорбил своими неосторожными словами. Я просто хотел сказать, что мистер Пинтон был бы счастлив, если бы с нами сотрудничали писатели вашего калибра.

При этих словах она улыбнулась (“Я важна, я что-то значу!”), а потом исчезла, таща за собой шофера в униформе. Я же остался на месте. Меня окру-

жила толпа, люди бежали на поезд или с поезда, и я растворился среди них, одинокий на людном вокзале.

Я вышел из громадного каменного здания — Торпского вокзала — на неожиданно яркий дневной свет и обнаружил, что улица, где я собирался остановиться, — Рекордер-роуд — расположена совсем близко. Но в пансионе, где я заранее снял комнату, меня постигло разочарование: оказалось, что она еще не готова.

— О боже! — воскликнула хозяйка, худая, с бледным острым лицом. Я заметил, что она слегка дрожит, несмотря на теплую погоду. И нервно заламывает руки. И еще она была высокая. Такая женщина выделяется в толпе неожиданной гренадерской статью. — Боюсь, мистер Сэдлер, мы должны перед вами извиниться. Мы весь день места себе не находим. Не знаю, как вам и объяснить, что случилось.

— Я вам писал, миссис Кантуэлл, — напомнил я, пытаюсь смягчить явное раздражение в голосе. — Я написал, что буду сразу после пяти часов. А сейчас уже шесть. — И кивнул на большие напольные часы, стоящие в углу за конторкой. — Не хочу показаться навязчивым, но...

— Вы вовсе не навязчивы, сэр, — быстро ответила она. — Комната была бы уже давно готова, если бы только не...